

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№ 12 / 2022

16+

12

Журнал «Юность» 2022

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №12/2022

Редакция журнала «Юность»

2022

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №12/2022 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2022 — (Журнал «Юность» 2022)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

© Литературно-художественный
журнал, 2022

© Редакция журнала «Юность», 2022

Содержание

Новогодняя колонка	6
Сергей Шаргунов	6
Свет одинокой вывески	6
Новый год	8
Полина Жандармова	8
В ожидании чуда	8
Рома Декабрев	17
31 декабря	17
Денис Лукьянов	20
Вавилонское зеркало	20
Рагим Джафаров	28
В будущее возьмут не всех	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Журнал «Юность» № 12/2022

© С. Красаускас. 1962 г.

Новогодняя колонка

Сергей Шаргунов

Писатель, главный редактор журнала «Юность».

Свет одинокой вывески

Случилось так, что приехал в Смоленск, где проходила мастерская Ассоциации союзов писателей и издателей. Собираясь в этом путешествии взяться за эту колонку, но не знал, что и как написать.

Всему вопреки – продолжаем выходить, даем пространство живому слову, обрастаем читателями, поддерживаем талантливое, публикуем все больше литературной критики, затеваем новые проекты (от переделкинских и комаровских резиденций до фильмов о «знаковых местах русской литературы»).

Достаточно ли для колонки? Недостает какого-то сюжета.

Я брел по колдобинам и холодной темени древнего города и вдруг увидел ярко и одиноко горящую белую вывеску. Черные буквы: «Юность». Написано нашим шрифтом. Ого.

Зашел, конечно. Крафтовое пиво, закуски, веселая молодежь, и повсюду – журналы, журналы... Пестрое многоцветье возле столиков, на подоконниках.

Старые, советские еще номера и совсем свежие, за 2022-й. Как будто в сон попал.

Оказалось, бар открылся недавно. Владельцы, муж и жена, встретили меня слегка настороженно, заподозрив ревизора, тем более пришел в толстовке с именем «Юность». Кажется,

они не очень поверили в такое совпадение, стали объяснять: буква «н» на вывеске чуть отличается от той, что на обложке.

Но зачем мне было качать права?

Я не испытал ничего, кроме праздничного чувства: журнал нужен, его читают, в честь него по собственному хотению сделали модное заведение. Вот бы так – литературоцентрично – и с остальными толстяками: «Новый мир» в Костроме, «Вопросы литературы» в Барнауле...

А владельцы уже заулыбались, и мы принялись обсуждать полюбившиеся им у нас тексты.

Все это возникло как знак надежды, нечаянное ободрение под конец года.

Сюжет внезапного свидания с «Юностью», словно бы подкинутый кем-то, кто решил помочь с этой колонкой.

Я сидел в смоленском баре и пил горьковатое пиво за простое: чтобы все хорошее уцелело и продолжилось, а темное и тяжелое прошло.

Новый год

Полина Жандармова

Родилась в 1990 году. Окончила Белгородский государственный национальный исследовательский университет, биолого-химический факультет, живет в Белгороде. Участник мастерской прозы в рамках образовательного форума «Таврида». Автор поэтических и прозаических сюжетов в жанре городского фэнтези.

В ожидании чуда

Они ждали чуда. Все вместе и каждый по отдельности. Кто как мог и кто как умел. Каждый день. Каждый прожитый миг. Ждали чуда, которого никто не видел уже многие лета. Но именно в канун этого новогодья ждали как никогда. Всей душой большой и маленькой. Всем естеством. Сбегая в укрытия, разгребая завалы, восстанавливая разрушенное. Ждали. Верили. Надеялись.

«Внимание всем! Кракен просыпается! Населению подготовить укрытия, зафиксировать стёкла и быть готовыми к эвакуации по специальному сигналу».

Подобные сообщения от службы безопасности в очередной раз разлетелись по всем мессенджерам жителей городка Н. Разлетелись молниеносно – система оповещения работала как часы. Эту часть взаимодействия удалось наладить достаточно быстро и безболезненно. Марину новость застала как раз на входе в детский сад. Длинный пустой коридор встретил ее темнотой,

тишиной и запахом рыбных котлет. Лишь в самом дальнем кабинете из-под дверей пробивалась тонкая полоска света.

– Марина Ивановна, ну что же вы! Надя последняя осталась! Всех давно забрали! Такое время, такие новости! Ребенок тревожится! – В голосе нянечки слышалось ничем не скрываемое осуждение.

Марина молча забрала уже одетую дочку из рук молчавшей все это время воспитательницы и двинулась к выходу. Уже на пороге пожилая женщина, дежурившая в группе сегодня, все же заговорила:

– Марина Ивановна, может быть, вы придумаете что-нибудь? У нас убежища нет, стекла старые, вдруг что... Может, с соседями оставите Наденьку? Ну подумайте, а!

– Подумаю, – устало кивнула Марина и вышла в коридор.

Объяснять в сотый раз, почему она не может отказаться от дежурной группы в детском саду, не было сил. За то время, что прошло с момента первого пробуждения Кракена, Марина привыкла и к осуждающим взглядам, и к чувству перманентной, не проходящей тревоги. Единственное, к чему никак не удавалось привыкнуть, – ценные, но совсем непрошенные советы окружающих. Но пробудившийся «подземный вулкан», как его окрестили ученые, был тут совершенно ни при чем.

Ноябрь в этом году выдался на редкость снежным. Вторую неделю всю сыпал снег. Он смешивался с вулканическим пеплом и оставался лежать на земле грязно-серыми сугробами. Марина задержалась на крыльце, натягивая респиратор и защитные очки на себя и на дочь, и включила наручный фонарь. Ходить в темноте в пластиковых очках сквозь снежно-пепельную стену было не просто, а после отключения фонарей город и вовсе погружался во тьму аккуратно вслед за окончанием рабочего дня. Поэтому приходилось дополнительно подсвечивать и себя, и окружающий мир.

Ребенок радостно помахал рукой взад-вперед, наблюдая за игрой фонарного луча.

– Надя! Не балуйся, пожалуйста! Идем!

Надя фыркнула и прыгнула с двух ступенек сразу на землю. Марина улыбнулась, с запозданием сообразив, что дочь не увидит ее улыбки из-за респиратора. Дальше шли молча. Говорить в антитефровой экипировке было не слишком удобно. Лишь дома, разогрев ужин и накормив Надю, Марина сообразила, что что-то не так. Непривычно тихо. Непривычно молчаливо.

– Дочь, тебя кто-то обидел?

Девочка сидела за своим столиком и грустно смотрела на белый лист бумаги.

– Надя! Я с тобой разговариваю!

– Я думаю! – насупилась та.

– О чем?

– О том, как тебе ответить!

Надя постучала красным карандашом по столу и тяжело вздохнула.

– Меня обидел Кр-р-ракен!

Букву «р» Надя выговаривала с трудом, поэтому слово получилось старательно-протяжным. Марина приложила все силы, чтобы не усмехнуться.

– Чем же, не расскажешь?

– Он съел наш Новый год! Как кр-р-рокодил солнце в сказке, помнишь?

В слове «крокодил» буква тоже звучала протяжно-раскатисто. Марина все же улыбнулась.

– С чего ты так решила?

– Любовь Васильевна сегодня сказала. Что Нового года не будет. И подарков не будет. И праздников! И конфет!

Из глаз брызнули слезы, и Надя протяжно заскулила. Марина отложила в сторону книгу и под села к дочке.

– Ну чего ты! Будут тебе конфеты! И подарки! И праздник!
– Не бу-удет! Любовь Васильевна сказала-а-а, – все сильнее расходилась девочка.
– А я тебе говорю, будет! Любовь Васильевна, если хочет, может сидеть без конфет и без подарков!
– И без праздника-а-а!
– И без праздника! – согласилась Марина. – А мы будем с праздником.
– А можно я завтра не пойду в садик? – хитро заблестели детские глаза.
И Марина поняла, что ее переиграли. Усмехнувшись, она прижала девочку к себе.
– Ладно! Только если не будешь канючить!
– Не буду! Честно! – радостно запрыгала девочка и, снова усевшись за стол, погрузилась в рисование.

Уже уложив дочь спать, Марина остановилась возле стола, рассматривая новогоднюю открытку со снеговиком в главной роли. Положив открытку на место, Марина улеглась в кровать.

Но сон не приходил.

Это стало нормой. Лежать в ночной темноте, до боли вслушиваясь в происходящее за окном. В каждый шорох. В каждый стук. Прислушиваться к ощущениям – не кажется ли, что кровать под обманчиво расслабленным телом чуть дрогнула. Что по стене пробежала вибрация, а чашки и ложки в ящике на кухне задребезжали. Переворачиваться на бок и снова возвращаться назад, на спину. Потому что оба уха слышат лучше, чем одно, не закрытое подушкой. И лишь когда обессиленный организм сам, от усталости, перейдет в автоматический режим, ненадолго провалиться в беспамятство. Но даже в нем ждать и слушать. Слушать и ждать. Нового прорыва земной коры. Нового удара.

Когда это случилось впервые, паника накрыла город Н. плотнее, чем вырвавшаяся из-под земли теффа – смесь газов, пыли и пепла. Беспросветная, иррациональная, животная – паника в тот вечер нанесла гораздо больший урон, чем незначительные повреждения линии электропередач и водоснабжения. В тот самый-самый первый раз самой разрушительной оказалась паника. И во второй. И в третий. Лишь после того, как пробуждения Кракена стали частыми, а на панику не осталось сил, удалось выстроить четкую, отлаженную систему действий населения. Только вот население к тому моменту сократилось на треть. Кто-то навсегда ушел после первых прорывов. Кто-то спешно выехал в спокойные регионы.

А остальные ждали чуда. Каждый новый день. Каждое мгновение. Верили в то, что «это в последний раз». В пресловутое, такое всеми избитое «все будет хорошо». Еще было «мы непременно справимся» и «самое страшное мы уже пережили». Верили тихо, чтобы не сглазить. И громко, в каждом разговоре с каждым соседом. Верили так по-разному и в то же время так одинаково. И ждали, ждали.

Будильник прозвенел как всегда неожиданно. Как будто только и дожидался момента, когда глаза едва закроются. Марина с трудом отлепила себя от плоскости кровати и поплелась в ванную. Надя еще спала. Блаженным детским сном, в котором единороги и радуги, чудеса и волшебство. Марина была бы рада даже обычному сну. Без единорогов. Вообще без сновидений. Для нее чудом с недавних пор стал полноценный, глубокий сон. Но сна не было. Как и чудес.

Лишь когда завтрак стоял на столе, Марина разбудила дочку. Та поднялась быстро. И собралась еще быстрее – ожидание похода на мамину работу было лучшим мотивом для пробуждения и сборов. Спустя полчаса два космических человечка – в комбинезонах, респираторах и защитных очках – уже шагали к автобусной остановке сквозь серость полужимного утра.

«До Нового года осталось пять недель».

Надпись на одном из рекламных экранов пробивалась фиолетовым неоном даже сквозь туман. Автобус пришлось ждать пятнадцать минут.

– Проходим, скорее! На том конце города дрожь началась. Не задерживаемся! – Водитель кричал сквозь респиратор, подгоняя нерасторопных пассажиров.

Народ засуетился. Начал напирать. Послышались нервные вскрики и ругань. Марина беспомощно огляделась – они с Надей стояли практически в хвосте очереди, а автобусное нутро стремительно заполнялось. Надя прижалась к матери и замерла. Очередь продвигалась медленно. Водитель ругался все громче, несмотря на респиратор.

– А ну! Дорогу! Мать с ребенком! – раздалось громогласное где-то над головой.

И в следующий миг Надя взмыла над толпой. Марина с трудом развернулась. Высокий мужчина посадил Надю на плечо и тараном двинулся вперед, раздвигая людскую массу своим телом. Со всех сторон слышались недовольные выкрики. Но великан не обращал на это никакого внимания. Марина ринулась следом, пока толпа за спиной неожиданного спасителя не схлопнулась.

– Вот так! – Мужчина водрузил Надю на верхнюю ступеньку. Помог Марине взобраться следом и отошел.

Заскочившие следом тут же оттеснили Марину вглубь салона, не дав толком рассмотреть, кто это был. Все, что она запомнила, – спина, обтянутая черной курткой, без каких-либо опознавательных знаков. Автобус тронулся с места, а Марина оставила всякую надежду высмотреть неизвестного супермена в толпе.

«Поблагодарить бы...» – мысль вспыхнула и тут же погасла. В полном обмундировании понять, кто скрывался за респиратором и черным пуховиком, было невозможно.

– Мам, а нас дрожь не догонит? – Надя сняла респиратор и очки. Последние в автобусе сразу же запотевали.

Ребенок с интересом разглядывал угрюмых жителей, всех, как один, напуганных словами водителя. Дрожь – предвестник очередного прорыва. И даже несмотря на оповещение, что разослала служба безопасности накануне, каждый ждал чуда.

– Маску надень! – тут же шикнула Марина. И чуть мягче добавила: – Не догонит. Дрожь далеко. Мы успеем доехать до завода!

Марина постаралась придать голосу как можно больше уверенности. Даже несмотря на полное ее отсутствие в душе. Наде об этом было знать не обязательно.

До завода, где Марина работала начальником центра мониторинга качества, доехать действительно успели. Равно как успели раздеться, провести две планерки и забежать к директору.

– Сад закрыли? – Пожилой усатый мужчина с седыми волосами и бесконечной усталостью в глазах кивнул Марине и подмигнул Наде.

Та разулыбалась, довольная, что ей разрешили пройти в кабинет директора.

– Да, Петр Иванович. В смысле нет. Некуда было...

– Не оправдывайся. Главное, в цеха не бери, сама знаешь!

Марина замялась. Знать-то она прекрасно знала всю технику безопасности. Вот только куда деть пятилетнего ребенка посреди огромного завода, когда в любой момент может сработать сигнал к эвакуации? Директор нахмурился и тяжело вздохнул. Затем поднял трубку и нажал на несколько клавиш.

– Василич, зайди ко мне! Дело есть.

Марина просияла. Николай Васильевич, он же Василич, – один из завхозов предприятия. В темные, как их еще называли, вулканические времена ему поручили обустраивать подвалы для размещения сотрудников. С недавних пор, после того как под зданием геологи с технарями протянули какие-то сверхновые сети, там стало безопасно. Марина, как ни старалась, так и не смогла вникнуть в суть работы этого механизма. То ли это были подземные громоотводы, не дающие сейсмическим волнам прорываться в этой части города. То ли заколдованные Дедом

Морозом гномы, отпугивающие Кракена. Всем на самом деле было абсолютно все равно. Главное – на территории завода прорывов не случалось. А от тефры и выбросов надежно укрывал подвал. И сейчас ей разрешили оставить Надю там. О большем Марина и мечтать не могла.

– Василич! У тебя внуки есть? – без прелюдий перешел к делу директор, когда завхоз показался на пороге.

– Ну... Да, а что?

– Обращаться, значит, умеешь. Я тебе выписал секретаря. На... – Он кинул на Марину цепкий взгляд. Еще раз тяжело вздохнул и закончил: – В общем, выписал. Займи делом.

Василич недоуменно огляделся по сторонам, наткнулся взглядом на Надю и широко улыбнулся.

– Ну, таких секретарей у меня еще не бывало. Тебя как зовут, красавица?

– Надежда Игоревна! – гордо проговорила девчушка.

– Значит так, Надежда Игоревна! Работать будешь? – нарочито строго спросил Василич.

– Буду! – кивнула та.

– Обещаешь?

– Обещаю!

– И суп из столовой есть будешь?

Надя задумалась и нерешительно кивнула. В сознании ребенка суп никак не вязался с серьезной должностью, на которую ее назначил сам директор.

– А котлеты?

Еще один робкий кивок. Надя с опаской поглядывала на мать, но не отступала.

– Ну тогда пойдем работать, товарищ секретарь!

Василич протянул девочке руку, и та не раздумывая схватилась за нее.

– Надя, води себя хорошо! – бросила напоследок Марина. Едва за ними захлопнулась дверь, она кинулась к директору: – Петр Иванович! Спасибо вам! Я...

– Пустое, – отмахнулся тот. – Иди работай! За ребенка не переживай. Василич дело знает!

Марина выскочила из кабинета, боясь расклеиться перед начальством. Директор был человеком старой закалки, сантиментов не любил и не приветствовал. Пробегая по коридору, она мельком бросила взгляд в открытую дверь в кабинете Василича. Тот что-то увлеченно рассказывал Наде, а та с восторгом в глазах слушала. От сердца отлегло, и Марина полностью погрузилась в работу.

«Вниманию населения! Прорыв на восточном направлении. Въезд в микрорайоны Чемушки и Горняк перекрыт. Всем жителям собрать необходимые вещи и быть готовыми к эвакуации».

Сумка с необходимыми вещами стояла наготове у порога еще с третьего или четвертого прорыва. Документы на себя и на дочь, аптечка, теплые колготки и свитера для Нади. А еще ингалятор и маленькая ультрафиолетовая лампа: Надя часто болела, и эти медицинские гаджеты очень помогали вовремя останавливать болезнь. Поэтому Марина тоже определила их к вещам первой необходимости. А еще туда же, на самое дно, в двойном отделении, Марина аккуратно сложила свои немногочисленные сбережения и золотые украшения. Опыт показал: если придется эвакуироваться из дома, скорее всего, назад уже вернуться не получится. Так было в Песчанке. Так было в Глинках. Теперь вот еще два микрорайона попали под прорыв.

Стены в квартире задрожали, а стеклянная чашка с ложкой на тумбочке задребезжала. Марина запрыгнула в теплый спортивный костюм, села на пол возле Надиной кровати и включила таймер на телефоне. Перерывы между дребезжанием полторы минуты – до их дома еще далеко. Когда станет сорок секунд – объявят эвакуацию.

Минута двадцать. Минута тринадцать. Минута. Марина натянула на спящую Надю комбинезон. Девочка что-то невнятное пробормотала во сне, но не проснулась: Марина научилась действовать аккуратно, чтобы лишний раз не тревожить детский сон.

Пятьдесят семь секунд. Ложка истерически звякнула. С потолка посыпалась штукатурка. И все стихло. Марина стала ждать. Маленького ночного чуда. Сообщения:

«Кракен успокоился. Столб тефры составил триста метров, выходить на улицы не рекомендовано в ближайшие двенадцать часов. Жители микрорайонов Чебушки и Горняк эвакуированы в безопасное место. Работают спасатели. Официальная информация будет утром».

Экран телефона мигнул и погас. Марина выдохнула и раздела Надю, а потом разделась сама. Сумка с вещами на этот раз не понадобилась.

Начало смены на заводе сдвинули на три часа. Марине директор разрешил приехать в третью смену.

– Бери секретаря, Василич, тоже в третью будет, – коротко бросил он по телефону и отключился.

Впрочем, Василич на заводе теперь был постоянно. И Надя, к удивлению Марины, бежала к нему в кабинет с радостью и энтузиазмом. На все вопросы, чем она занимается с «дедаКолей», она лишь загадочно улыбалась и говорила, что у них секретный проект! И у нее подписка о «не-р-р-разглашении». Марина лишь смеялась в ответ. Ребенок был доволен, и для Марины это тоже было еще одно маленькое чудо.

В остальном же чудес будто бы не осталось. Прорывы участились. Лавовая игла снесла часть жилого дома. Три микрорайона остались лежать горами строительного мусора. Современными руинами. Одна радость – жителей успели вывезти. Город опустел на две трети. Все, кто мог, выехали в разные уголки необъятной страны. В оставшихся жилых кварталах спешно клеили схемы эвакуационных маршрутов, заматывали стекла, чтобы ударной волной не разнесло осколки, прокладывали тектонические отводы и сейсмические ловушки там, где это было возможно. В этой гонке на выживание про наступающий Новый год все не то чтобы забыли. Но перестали ждать. Других забот хватало.

– Мам! Мне нужна твоя помощь! – в один из вечеров в третью смену, где-то на восьмой прорыв и за две недели до Нового года, заговорила Надя.

– Я тебя слушаю!

– Помоги мне написать мэру!

В разговоре повисла пауза. Ребенок, видя замешательство родителя, продолжил:

– Ну или кто у нас отвечает за праздники? Министр?

– Нет, не министр. Какой-нибудь начальник.

– Тогда мне нужен какой-нибудь начальник.

– А для чего, не пояснишь? – Марина поняла, что дочь настроена серьезно.

– Нужно написать письмо, чтобы мэр или какой-нибудь начальник напомнил людям про Новый год!

Марина подавила тяжелый вздох. Как подобрать слова и объяснить ребенку, почему мэр, начальники и все жители, оставшиеся в городе, забыли про праздник, Марина не знала. Надя подошла к столу, взяла белый лист бумаги и красный карандаш и принесла Марине.

– Держи! Я продиктую, а ты напиши. Ну, как время будет.

– Я могу на компьютере напечатать.

– Да? А деда Коля всегда все пишет.

– У него нет компьютера, а у меня есть, – улыбнулась Марина. – Диктуй, что писать надо. Надя задумалась и начала бойко диктовать.

– Уважаемый мэр! Пожалуйста! Разошлите людям напоминание о пр-р-разднике! Точка. Нет, восклицательный знак. Ему можно восклицательный знак?

– Можно, – кивнула Марина.

– А еще можно написать, чтобы елки продавать начали?

– Написать-то можно...

– Ну ты напиши. Разрешите продавать елки, потому что Новый год не наступит без елки! Вдруг он, как и все, просто забыл про елки?

Надя еще какое-то время покрутилась у стола и убежала к Василичу. А Марина долго смотрела в мерцающий экран, не решаясь удалить Надин текст. Открыла браузер, нашла адрес электронной приемной мэра и, не подбирая канцелярских оборотов, написала мэру. «В заключение своего обращения прикладываю слова моей пятилетней дочери Надежды...» Вставила текст, надиктованный Надей, и нажала на кнопку «отправить».

Ночевали на заводе. В соседнем кабинете Василич поставил раскладное кресло для Нади и раскладушку для Марины. Сумка с вещами стояла тут же – в последнее время Марина везде носила ее с собой. Восемь прорывов за три недели многое изменили в привычном укладе некогда понятной и размеренной жизни. Сейчас весь мир катился в пропасть. И единственное, о чем мечтала Марина, – удержаться на краю.

– Переезжать когда будешь? – в один из вечеров спросил директор.

– Не знаю, – замялась Марина.

– У тебя же мать в Сочи!

– Да... – Марина не хотела вспоминать последний разговор с матерью.

Та позвонила спросить, правда ли все, что показывают про них по телевизору. Долго рассказывала о том, какой у нее сейчас непростой период в жизни. А потом попросилась, быстро пробормотав, что к ней сейчас лучше не приезжать, потому что других проблем хватает.

– Ясно. – Директор, внимательно наблюдавший за Мариной, вздохнул и закурил прямо в кабинете. Потом взял листок для записей, спешно нацарапал на нем что-то и передал Марине. – Адрес. Домик старенький, но аккуратный. Море рядом. После Нового года город закроют. Поезжайте туда. Я узнаю, когда вывоз будет.

Марина взяла протянутую бумажку и крепко сжала.

– А вы?

– Я не могу бросить завод. А жена категорически не хочет уезжать без меня. Дети и внуки живут в столице, так что им этот домик ни к чему.

В душе Марины боролись две силы. Бросить директора одного в трудный час и позаботиться о собственном ребенке. Остаться на свой страх и риск, не предавая коллектив, и подвергнуть ребенка опасности? Вроде бы такой очевидный выбор давался невероятно тяжело.

– Давай-давай, не раздумывай! Работу там найдешь, я позвоню. Вывози Надю.

– Спасибо!

Она перестала ждать чуда. После бесконечных прорывов. После разговора с матерью и бывшим мужем, отказавшимся забирать Надю. Перестала, и чудо пришло само – в виде смятого листка с адресом на другом конце страны.

– Когда так много позади всего, в особенности горя, поддержки чьей-нибудь не жди, сядь в поезд, высадись у моря, – протянул директор, докуривая сигарету.

Марина кивнула:

– Сяду. Высажусь.

«Внимание! Приближается прорыв! Всем сотрудникам спуститься в убежище!»

Голос директора в хрипящем динамике застал Марину в одном из цехов. Первая мысль – где Надя – тут же сменилась осознанием, что Надя как раз в убежище. Соскочив с лестницы,

Марина подхватила свою сумку первой необходимости, что теперь везде следовала за ней, и двинулась в сторону подвала. Сотрудники не раз отрабатывали эвакуацию. Некоторые и сейчас думали, что это тренировочный спуск. Только когда дрожь прошла по зданию, люди засуетились. Ускорились, похватили сумки с вещами и спустились в подвал.

– Деда Коля! Сюрприз не получится! – Марина услышала Надин всхлип, полный разочарования, и голос Василича.

– Наоборот, товарищ секретарь! Мы с тобой славно потрудились! Сейчас все получают праздничное настроение вместо волнений! Разве это не сюрприз?

– Но я хотела, чтобы на Новый год же!

– А мы скажем, что это генеральная репетиция! Напомним, как надо праздновать! Ты же сама говорила, люди забыли про праздник. Вот мы сейчас и расскажем, как надо праздновать! Проведем свой заводской Новый год!

– Как утренник в садике?

– Да! Будем петь песни, водить хороводы и рассказывать стишки!

Последнюю фразу Василич сказал в толпу собравшихся у входа ровным счетом ничего не понимающих сотрудников.

– Петр Иванович, вы будете за Деда Мороза! – скомандовал завхоз, не обращая внимания на приближающийся прорыв.

И директор, к удивлению всей смены, согласно кивнул.

– Буду! Веди!

Марина с сумкой в одной руке подскочила к Наде, другой сжала ее ладошку.

– Надя! Что за капризы?! Ты как себя ведешь?!

– Тише, тише, Марина Ивановна, все хорошо! – Василич похлопал Марину по плечу. – Значит, так! Проходим, размещаемся!

Марина не понимала, что происходит. Равно как и вся остальная смена. Угрюмые, напряженные, где-то даже недовольные. Все чувствовали приближающуюся дрожь. Даже несмотря на тектонические сети и отводы. Земля под ногами колебалась. Связь под землей работала плохо. Каждый гадал, где прорыв случится на этот раз. Девятый? Или вслед за ним сразу будет десятый? Одиннадцатый? Сколько тефры выбросит в воздух Кракен сегодня? Будут ли выбросы лавовых игл? Разнесет ли газовый поток очередную детскую площадку или киоск?

И лишь трое из этой толпы выглядели заправскими заговорщиками.

– Пр-роходим! – Надин голос пролетел над толпой. – Мы пр-риглашаем вас на нашу новогоднюю р-р-репетицию!

Василич распахнул ангарные двери, и перед работниками открылся сияющий блеском разноцветных гирлянд новогодний зал. В центре возвышалась ель, собранная из труб и крашенного в зеленый цвет картона. По стенам разлетелись вырезанные детской рукой снежинки. И бумажные гирлянды. А еще всевозможные разномастные шарики, бусы, хлопушки и мишура.

Марина почувствовала, как в груди защемило, а в глазах защемило. Замутненным взглядом она обвела собравшихся. На лицах читалось недоумение, непонимание и робкая надежда.

– Надежда! – скомандовал директор. – Ну-ка, покажи пример! Вставай под елку! Рассказывай стишок!

Надя вприпрыжку бросилась к елке, не обращая внимания на дрожь пола под ногами и легкое дребезжание окружающего мира. Встала у зеленого конуса и звонко затянула:

*В Новый год во все глаза
Каждый смотрит в чудеса!
А они глядят в ответ —
Есть желание или нет!*

*Важно всем не опоздать
И желание загадать!*

- Дед Мороз ко всем придет... – Надя запнулась, и кто-то из толпы выкрикнул:
- И подарки принесет!
- Правильно! – захлопала в ладоши Надя. – Вы следующий!

Слесарь из третьего цеха стушевался, замялся, но Надя уже подскочила к нему и потянула к елке.

- Да я это... Как-то и не знаю, старый уже, забыл...
- А про маленькую елочку знаете? – не сдавалась Надя.
- Да знаю, наверное...
- Я помогу! Мы в садике учили! Давайте вместе! Ма-а-аленькой е-е-елочке...
- Холодно зимой, – запели сразу несколько женщин из третьего ряда.
- Из лесу елочку взяли мы домой, – подключились директор с Василичем.

И через несколько строк уже все, кто был в убежище, распевали детскую новогоднюю песню. А к третьему куплету завели хоровод возле зеленого картонного конуса, имитирующего елку. Под свет гирлянд, подключенных к аварийным генераторам, чтобы точно не погасли, если все вокруг обесточится. Под аккомпанемент дребезжащих стен и гул, доносящийся из недр.

Все они водили хоровод и ждали чуда. Забытого. Казалось бы, потерявшего единственное, что давало ему право на существование, – надежду. Потерявшего и нашедшего ее в лице маленькой пятилетней девчушки, так упорно требующей этого самого чуда. Верящей в него всем своим сердцем и всей душой.

Все они ждали чуда, не веря в него. Погрузившись во мрак и отчаяние, в беспросветность и серость тефры. Отдавшись во власть боли и горечи. Не надеясь ни на что. Предав его. Променяв на тьму и холод, открыв им место в сердцах и душах. Но чудо пришло.

Марина шагала в хороводе, чувствуя, как это чудо снисходит на всех собравшихся – электрическим разноцветьем, давно позабытыми, но вовремя всплывшими в памяти куплетами из детства, ощущением надвигающегося праздника. Чудо пришло, как солнце, каждый раз встающее после черноты ночи. Как новый день. Как новый год.

*«Кракен успокоился. Жертв нет. Официальная информация будет
утром. С завтрашнего дня в жилых районах начинают работу елочные
базары. С наступающим Новым годом!»*

Экраны телефонов мигали в карманах рабочей формы. Но за блеском гирлянд никто не обращал на это внимания. Директор рассказывал отрывок из поэмы Некрасова, и все слушали, затаив дыхание, про то, как Мороз-воевода дозором обходит владенья свои. А вслед за этим переходил к Пушкину, воспевая зимнее утро. И каждый знал, что следующее утро, непременно, будет укрыто утренним снегом. И снег этот когда-нибудь снова заблестит под восходящим солнцем.

Рома Декабрев

Родился в 1992 году в Твери. Окончил МИЭТ, МФТИ, живет в Зеленограде. Участник мастерских прозы в рамках образовательного форума «Таврида», а также Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки». Автор прозаических и драматургических произведений.

31 декабря

Декабрь, 31-е.

Ах, мошка-мошечка, зачем бы мне всю жизнь не щуриться заплаканными глазами, выискивая твоё жужжание на фоне абажура? Я лежу у матери на коленях, она читает мне вслух «Котика Летаева», и, глядя на снежные хлопья за окном, я и сам становлюсь котиком: сворачиваюсь клубочком и, мерно покачивая полосатым хвостиком, мурчу. В полудреме прижимаю к груди заштопанную куклу – лоскутного арлекина Пьеро.

Часом ранее я не удержался и, воспользовавшись тем, что мама отошла по делам, залез под елку и открыл свой подарок. На дне коробочном в бумажной стружке лежала пестрая кукла с пышным батистовым воротником, лежала и вопрошала без слов: «Кто я?» Мое любопытство на этом не остановилось, и я достал ее на свет: вишневая в черный крап, с золотистыми пуговками: ты – Пьеро. Пользуясь случаем, я представил Пьеро стеклянным снегирем, сидящим тут же на елочных ветках, те же лишь тревожно закивали на половину шестого часов. И да, надо было бы убрать Пьеро на место, но я, вновь поддавшись искушению, решил быстренько разыграть одну цирковую партию – под куполом раскинутого меж спинки двух стульев одеяла. Что могло пойти не так? Я зажег магический фонарь и с нетерпением сделался зрителем: усач в тюрбане выдувал струи пламени, клоуны паясничали как не в себя, акробаты привычно парили на кольцах. Когда в шатер вступил Пьеро, все артисты разом побросали дела и окру-

жили незнакомца, даже лошади не остались в стороне – приветственно отведали его манжеты на вкус; последней к новичку приблизилась бесшумной походкой Премудрая княжна с лазурным штрихом на щеке (каюсь, мой грешок): «Здравствуйте, Пьеро. Как вы могли заметить, у нас здесь цирк. Даже оркестровая яма тут имеется. Волки ездят на велосипедах, мышки танцуют балет, силачи поднимают машины. А что умеете делать вы?»

Юного арлекина смутил скорее даже не сам вопрос, но пренебрежительный тон лучезарной княжны, и потому он не только не нашелся сразу, что ответить, но и к тому же залился румянцем в цвет своего трико.

«Не говорите только, – усмехнулась она, – что краснеть – это ваш единственный талант».

Со всех сторон раздались смешки.

«Нет, не единственный, – наконец выпалил он. – Я хожу по натянутой нити... над раскрытыми ножницами!»

«О, так вы акробат? А по вам и не скажешь!»

«Это не так». Ему вдруг стало жизненно необходимо всем им что-то доказать.

«Тогда, верно, фокусник?» – спросил наглого вида клоун.

«Не больше, чем каждый из нас».

«Философ тут имеется, – постучал по заостренной шляпе косоглазый звездочет в шелковой мантии, – полезайте-ка на стул и продемонстрируйте нам свое умение».

Делать нечего, пока юный арлекин карабкался, совы умело растянули алую льняную нить над пропастью, а силачи понатащали ножниц – всяких-разных, сколько нашлось в доме. Наконец добрался Пьеро до верху, стоит у края – поджилки руками придерживает. Снизу все уж готовые дыхание задерживать собрались, смотрят, шушукаются.

«Авось, и впрямь сможет?»

«Не сможет».

«А я думаю, сможет!»

«Что в этом такого, взял да ножками топ-топ! Я бы и на руках сумел!»

«Докажи! Ты только трепаться и умеешь!»

«С радостью... да вот незадача, только вспомнил, давеча ведь я кисть потянул, жонглируя пушечными ядрами...»

«Естественно!»

«Расшибется же, дурак!»

«Не сможет, не верю...»

«Вам когда-нибудь доводилось этим заниматься? Это на самом деле очень опасно и вовсе не обязательно», – услышал вдруг Пьеро все такой же надменный голос Премудрой девицы. Приблизившись вплотную к краю, он различил ее крошечную фигурку, очаровательно сложившую рупором ладоши перед ртом.

«Доводилось! Каждый день и каждый час!» – ответил он.

«Ладно, Пьеро, так и быть, мы вам поверили, – крикнула она куда более мягким тоном, – вам удалось нас впечатлить, теперь спускайтесь».

Этот снисходительный тон еще сильнее задел его игрушечное нутро, и, оглянувшись на свою короткую пустую жизнь, он решился. Все произошло неожиданно, кажется, даже сам арлекин не до конца сообразил, как вдруг вскочил на льняную нить, быстро продвинулся по инерции шагов на пять-шесть, но затем потерял равновесие, взмахами рук безуспешно попытался нащупать центр тяжести и, издав короткий и в чем-то даже удивленный крик (получилось что-то вроде «о!»), свалился прямиком на распахнутые лезвия.

Я в этот момент сидел в первом ряду один-одинешенек, ничего не видя и не слыша, и, не способный исправить нелепую оплошность судьбы, не знал, как к этому отнестись; в отчаянье детском принялся метаться из стороны в сторону, прямо как муха на фоне пыльного абажура. Укором провожали мои метания угловатые кресла, секретер и сервант, а Пьеро лежал, выста-

вив напоказ свои лоскутовые внутренности; вокруг него молча столпились балерины, жонглеры, предсказатели, мыши... Лишь Премудрая княжна не могла найти сил, чтобы взглянуть на тело несчастного.

«Это случится с каждым из нас», – наконец произнес кто-то негромко (то ли дрессировщик, то ли лев), а я никак не мог поверить в реальность происходящего, ощущал лишь, как всё – ширится, нарастает в душе чувством многократно превосходящей меня неизбежности... Вдруг хлопнула входная дверь – мама вернулась.

«Это несчастный случай, это несчастный случай: арлекин рухнул с натянутой нитки! У него не было страховки, почему он ее не надел?..» – закричал я, закрывая лицо руками.

Снег на маминых сапогах быстро таял; успокоив меня в объятиях, она скинула пальто, надела домашние очки и направилась к месту трагедии, чтобы оценить масштаб бедствия. Я в это время театрально наматывал круги на кухне, поедая себя изнутри и спотыкаясь о мебель. Спустя пару минут ее фигура наконец выросла на пороге: «Ничего страшного, жить будет», – заключила она и потянулась к верхнему ящику, где хранилась шкатулка с волшебными иглами и нитками, при помощи которых хмурыми вечерами она создавала из кусочков отжившей ткани персонажей для моего цирка.

На потрескавшейся и выцветшей крышке едва ли можно было различить склоненный к плечу лик пожилой женщины, укрывшей волосы платком; в этой изъеденной желтизне, казалось, таится застывшее спокойствие прошлого с его пустынными городами и переулками, наводненными манекенами, которых неспособно более касаться дуновение стрелок часов.

«Эта шкатулка досталась мне от моей бабушки, твоей прабабки», – произнесла мама ласково, целясь нитью в крошечное ушко.

«Можно эту?» – спросил я, виновато протянув ей роковой канат, натянутый над ареной.

«Как пожелаешь».

А потом она запела что-то тихо-тихо, и тревога моя окончательно отступила, отступила даже моя непоколебимая уверенность в том, что подобные травмы несовместимы с жизнью. Зашита, утолена рана, протянувшаяся от бедра до ключицы в моем воображении. Пьеро был слаб и пока не приходил в себя, но, главное, он здесь, с нами, пульс едва, но прощупывается. Я кивнул снегирам – они передадут остальным, чтобы те не волновались.

Вечереет. Я крепче прижимаю к груди арлекина, на чьем кукольном брюхе растянулся огромный алый шов, ввергающий меня в необъяснимую приятную печаль. Сквозь прищур в полусне слежу я за мошкой, что летает кругами у медового света лампочки, так и норовит сесть на стекло, но всякий раз обжигается и вновь принимается летать вокруг.

Денис Лукьянов

Родился в Москве, студент-журналист первого курса магистратуры МПГУ. Ведущий подкаста «АВТОРизация» о современных писателях-фантастах, внештатный автор радио «Книга» и блога «ЛитРес: Самиздат». Сценарист, монтажер и диктор радиопроектов на студенческой медиаплощадке «Пульс», независимый автор художественных текстов.

Вавилонское зеркало

*Спи и забывай все, что было сказано,
Что в душе другой не отозвалось.
Больше твое сердце ни с кем не связано,
Отпускай его вдаль по водам грез.*

Ольга Вайнер

В дом тащил все что не лень.

Старые и грузные шкафы давно уже завалил книгами, которые ни разу не открывал: так и пылились, какие – скупленные на развалах, старые, по дешевке, какие – блестящие типографской новизной и стильными обложками. С трудом закрывались ящики стола и всех комодов маленькой однокомнатной квартирки: пихал в них марки и монеты, колокольчики, дурацкие девчачьи наклейки с блестками, старые советские значки, брелоки, игральные карты, проездные и театральные билеты... Иногда сам удивлялся тому, что находил, – шахматным фигурам и давно уже не пишущим ручкам. Не выкидывал – оставлял, лишь поражаясь своей проницательности.

Сколько это продолжалось? Месяц, год, несколько лет? Потерял счет времени – впрочем, всегда считал его глупой фикцией, лишней надстройкой человеческого сознания. Никогда не

был дураком. С молодости читал ученых и философов: Лосева и Платона, Эйнштейна и Спинозу, Фому Аквинского и Джозефа Кэмпбелла.

Собирал все, что несло на себе отпечаток чужих людей, – казалось, что вокруг разрастается его собственная, неповторимая вселенная.

Это ему... *нравилось*. Поначалу. Позже, оказалось, было *нужно*.

А потом – совсем не важно, когда «потом», время совсем не важно! – ему наскучило.

Старый Вацлав стал собирать личины.

Начал с банальных масок. Таскался по карнавальным магазинам, скупал все, что нравилось: силиконовые морды клыкастых чудовищ и картонные карнавальные маски звезд эстрады. Знал, что мог экономить, заказывать онлайн, но тогда все было бы зря! Какой смысл, если сам не можешь посмотреть, прикоснуться, вдохнуть спертый запах этих маленьких магазинчиков в потаенных уголках скукожившегося от декабрьских холодов городка?

Начал с масок – продолжил поддельными паспортами.

Эта была опасная игра на краю пропасти – но тем интереснее. С годами старому Вацлаву все явственней не хватало разнообразия: что же, думал, это в самом деле возраст берет свое? Разменял седьмой десяток – захотелось чего-то кардинально нового? Шагать босиком по лезвию ножа? Оставлять следы незримой золотой крови на холодном снегу? Отщипывать по кусочку от себя самого? И ладно бы, просто ум зашел за разум на старости лет, это можно понять и перетерпеть, но у новых личин было прямое назначение.

Теперь его звали Владимир и Йозеф, а еще Карл, Адам и Вениамин. Иногда выбирал имена наугад, иногда подходил к делу с извращенной элегантностью: Отто назвался в честь Бисмарка, Фридрихом – в честь Ницше, Вольфгангом – в честь Мессинга. Чужие личности – пустые, как темные стеклянные бутылки на свалке, – облепляли его мокрой листвой. Позволяли быть собой – и множеством других одновременно.

Старый Вацлав – или какое имя он выбрал сегодня? – сам становился своей коллекцией.

* * *

Улицы припорошил хулигански скрипящий под ногами снег, и даже самое отвратительное – грязные подворотни и горы мусора в баках, осыпавшая штукатурка подъездов и прогнившие скамейки – сделалось сносным. Старый Вацлав шел, уткнувшись носом в колючий шерстяной шарф.

Любил Новый год. Можно было дарить подарки самому себе, а грань между чудесным и реальным, мифом и жизнью становилась такой тонкой, что грезилось – все возможно.

Стемнело. Скрюченный, укутавшийся в старое, залатанное, но теплое пальто – под ним крупно вязанный свитер, – старый Вацлав блуждающей тенью тащился под яичным светом фонарей.

Друзья и студенты говорили ему – или, может, Йозефу? – что он напоминает им бедных гоголевских героев, несчастных либо в своем отчаянии, либо в авантюрной гениальности. Но под Новый год, каждый раз, когда старый Вацлав заявлялся на кафедру скрюченный, сухонький, в том же свитере и почесывал крючковатый нос, шутили – вылитый Скрудж! И уже за спиной добавляли: такой же скряга. Тратит все на глупые безделушки, хотя денег – повезло! – куры не клюют.

Старый Вацлав лишь улыбался. Еще одна личность в его коллекцию.

Он давно уже не вел лекции: вообще почти не показывался на людях.

Завернув за угол, разглядел нужную вывеску, сверкающую подсветкой гирлянд, и толкнул дверь. Зазвенел колокольчик. Анахронизм, подумал старый Вацлав, глупый анахронизм!

Этот антикварный магазинчик его давно уже не удивлял – наведывался сюда часто, еще в той, казалось, другой жизни, когда не таскал отовсюду личины. Только вещи – и связанные

с ними отпечатки: эмоции, воспоминания, ощущения. Понимал, что не сможет расшифровать их, не превратит этот немой язык в пустые трухлявые слова, – старый Вацлав и не старался; ощущал смыслы пылью на губах.

Минуя полки со старьем и пухлыми книгами – обложки сплошь старые, советские, – добрался до прилавка. Ожидал увидеть хозяина – рыжего, тучного, любившего полосатые штаны и вечно жаловавшегося, что металлические пуговицы на них отлетают и звонко катятся по полу.

Но из-под прилавка торчала лишь голова с двумя несуразными косичками. Голова отвлеклась – улыбнулась, продемонстрировав пару выпавших зубов, и защебетала:

– С наступающим!

– И вас... тебя... – Старый Вацлав смутился. Всегда ладил с детьми лучше, чем со взрослыми, просто удивился. – А где...

– Дядя Сережник пошел за горячим шоколадом. – Девочка вдруг надулась. – Только его уже долго нет! А он обещал побыстрее! Меня, кстати, Ксюша зовут!

– Очень приятно. А меня... – Старый Вацлав задумчиво забарабанил тонкими пальцами по прилавку.

– А вас? – подсказала девочка.

– А меня... зови как хочешь, да. Как хочешь.

– Но так ведь не бывает! – возмутилась девочка, но тут же забыла обо всем на свете: услышала дверной колокольчик и кинулась к толстяку с двумя картонными стаканами.

– Дядя Сережник, мы тебя тут уже ждали! А что это у тебя? Это ведь не горячий шоколад! – Ксюша, уже вцепившись в один стакан, ткнула пальцем во второй, дядин. – Это что, кофе? Я тоже хочу кофе!

– Но ты ведь просила горячий шоколад, – забасил рыжий дядя Сережник.

– А теперь я хочу кофе!

– К тому же, – будто не слыша замечаний племянницы, продолжил дядя, зачем-то загибая пухлые пальцы свободной руки, – ты еще слишком маленькая, чтобы пить кофе. Вырастешь – пей сколько влезет.

Старый Вацлав откашлялся, напоминая о себе.

– Ксюша, милая, ну чего ты, видишь, дядя ждет.

– А дядя сказал, что его можно называть как угодно! Представляешь?! – Девочка запрыгала следом, совсем не боясь задеть раритетный товар.

– Он не обманул. – Дядя Сережник вернулся за прилавком. Поставил бумажный стаканчик и обратился уже к старому Вацлаву, тут же нахмурившись: – Что на этот раз, старик? Только не вздумай...

Он взглядом указал в сторону племянницы, которая дула на картонный стакан с мордочкой оленя, даже не сняв красную крышку.

– Я собираю вещи и личности, – монотонно протянул старый Вацлав, пригладив седые волосы на лысеющей голове. – Я люблю детей. Я преподавал.

– Ты моего сына учил, знаю. Принес новое имя? И все остальное?

Старый Вацлав достал из внутреннего кармана пальто скомканную бумажку, чуть помял ее в руках, словно обдумывая нечто, и протянул хозяину лавки. Тот пробежался по ней глазами, как делал уже не первый раз. Вдруг замер, цокнул и поднял взгляд.

– Ты уверен? Раньше ты такого никогда не делал. Ты не боишься последствий, старик?

– Каких, позволь спросить?

– Юридических.

– За себя переживаешь?

– За тебя, старый дурак. Ты понимаешь, что это... ладно, дьявол с тобой. Успею к Новому году. Хотя тебе что до, что после, все одно!

– Я люблю Новый год...

– Ты любишь себя, старик, – вздохнул дядя Сережник. – Уходи. Я все сделаю.

Хозяин лавки развернулся и скрылся где-то в служебных помещениях. Старый Вацлав, вновь укутавшись в шарф – шапок не носил, – развернулся и собирался было уйти, как тут Ксюша дернула его за руку. Старый Вацлав опустил взгляд – девочка протягивала нечто, завернутое в старую газету.

– Держите, это подарок от меня! Только дяде не говорите! Он все равно продает всякую ерунду, а вы мне понравились – вы забавный! Это подарок на Новый год! Ой, ну, то есть, на наступающий! Только не открывайте раньше праздника! Оттараторив все это, девочка вернулась к горячему шоколаду. Пила, причмокивая.

Уходя, старый Вацлав услышал слова дяди Сережника:

– Не говори ты с ним лишний раз. Станный этот старик – будто сам не свой.

«Сам не свой», – подумал старый Вацлав. Как красиво сказал.

Праздника, конечно, не дождался: развернул накануне, тридцатого числа, когда на улице было не протолкнуться через толпу докупающих подарки и продукты, погрязших в суете, этой беготней созданной, – заколдованный круг. Глупая ловушка, думал старый Вацлав, к чему спешить, когда суета – ничто? И время – ничто. Все пляшет под кнут и дудку судьбы.

Фоном монотонно и неразборчиво бурчал старый телевизор, жужжал холодильник, гремели соседи сверху, смеялись в голос – снизу, а справа всегда было тихо, словно старый Вацлав жил рядом с покойниками.

В газету оказалось завернуто старенькое зеркальце в красивой серебристой оправе и с такой же ручкой, все – в форме кольцами свернувшейся змеи с длинным хвостом. Старый Вацлав и сам бы купил такое, увидь раньше, – положил бы в один из ящиков или оставил бы прямо здесь, на кухонном столе: чистом, но заваленном ненужным барахлом, от отверток до скрепок.

Старый Вацлав рассматривал свое отражение, поворачивая зеркальце то так, то этак. Смотрел на горбатый нос, который в отражении казался еще причудливей, на глубокие морщины и синяки под глазами, на потрескавшиеся губы – слишком часто облизывал на морозе. И старому Вацлаву нравилось: отличная, думал он, личность для того, чтобы вместить всю его коллекцию. Все самое интересное – там, внутри. Снаружи – дежурная маска, не отражавшая ни капли его самого.

Он покрутил зеркало в руках еще и еще – серебро блестело в свете удручающе-желтой люстры; касаясь зеркальной глади, лучи словно бы рассыпались на мелкие осколки, и потом, как витражи европейских соборов – о, у старого Вацлава были красивые книжные альбомы! – собирались вновь. Сначала это был его портрет, как и положено. Правдивый, но чуть искаженный озорным светом, а потом в отражении – нет, вокруг, везде и сразу! – вырос город, и в лицо ударил ветер, и повеяло речной свежестью, и зазеленели финиковые пальмы...

* * *

...Вавилон нарядился к празднику, все семь врат великих богов были открыты, и через них стекалась по улицам незримая, неосязаемая благодать, собиравшаяся на верхушке ступенчатого зиккурата Эсагилы, жемчужины старого мира.

Через город несли праздничную статую бога Мардука, и в тени этого шествия шел он, самый богатый человек в Вавилоне, но праздник его не интересовал. Он уже давно сам читал все ритуальные тексты наедине с собой, знал их наизусть, хранил нужные глиняные таблички прямо дома – не желал тратить времени. Лучшие он позаботится о себе, пополнит коллекцию немислимых богатств.

Однажды оракул, говоривший языком звезд, сказал ему, смотря затуманенным взглядом на печень козла: «Твой рок страшен. Ты потеряешь три самые дорогие вещи – одна за другой; потом тебя постигнет гибель, и чумазные руки госпожи Эрешигаль утянут душу твою, тело твоё в подземный мир».

Чем больше бегаешь от судьбы, тем сильнее она дышит тебе в спину. Но у него, самого богатого человека в Вавилоне, была идея. Один шанс – возможный лишь сегодня, в новогоднее празднество.

Сегодня он добудет уникальную личину.

* * *

Еще когда старый Вацлав работал в университете и приносил домой лишь необходимое – пакеты с продуктами, мягкие подушки, теплые пледы и кружки из поездок за границу, – он любил растянуть дорогу на работу. Мог бы брать такси – платили хорошо. Мог бы ехать общественным транспортом, как и делал, но коротким путем: автобус, пересадка, автобус.

Выбирал самый длинный. Обожал ощущение поездки, когда время – которое с недавних пор стало так неважно! – и пространство несутся мимо на неописуемых скоростях потоком размытых образов, а ты, как истукан старых храмов, остаешься на месте. Незыблемый и вечный – холодный мрамор и белоснежный гипс.

Старый Вацлав – тогда еще только старый Вацлав – садился в автобус, доезжал до железнодорожной станции, там полчаса ждал электричку: покупал паршивый кофе из автоматов и изучал сонных людей. Час в душной, переполненной электричке, потом – снова автобус и дорога пешком, которую старый Вацлав всячески растягивал, выходил на одну-две остановки пораньше.

И вот однажды, когда сидел на вокзале, к нему пристала старуха: думал, будет просить милостыню, уже приготовился уйти – всегда был большим скрягой, – но та лишь сказала:

– Хочешь, погадаю на судьбу?

Старый Вацлав усмехнулся. Подумал – это должно быть забавно. Любил такие игры. К тому же получалось точь-в-точь как в том дурацком многосерийном кино, которое каждый вечер, как гипнотическую пластинку, крутили по телевизору.

И старуха просипела – так, словно сам ветер говорил ее сухими пухлыми губами: «Ты потеряешь три самые дорогие вещи – одна за другой».

Конечно, он только посмеялся. И старуха – тоже; не зло, не жутко, а сочувствующе. Посмеялась, как он понимал теперь, над его глупостью.

Конечно, старый Вацлав не поверил.

А потом у него погибла дочь – разбилась в аварии. Казалось, издевка судьбы – водитель остался жив, все повреждения машины покрыла страховка, и только его дочь канула в холодные воды Стикса. Его дочь – звонкая, любившая заплетать волосы в косы, а весной, как только майский воздух начинал ласкать кожу нежным бархатом, носить яркие юбки...

* * *

...К его дочери сватались богатейшие халдеи Вавилона – не богаче его самого, – и каждый раз она отказывала им, не видя за блеском золота живых людей, только холодные помыслы. И самый богатый человек в Вавилоне соглашался, понимал ее – ее, такую звонкую и радостную, любившую хорошее сладкое вино. Когда ее убили – один из отвергнутых ею халдеев подмешал яд в кубок, – самый богатый человек в Вавилоне вспомнил слова оракула и проклял: себя, его и подлого халдея...

* * *

Старый Вацлав стал собирать все что не лень, сам не понимая зачем. Будто думал, что отпечатки чужих жизней на вещах запутают судьбу, собьют ищеек-Эриний с пути.

Потом он потерял работу – вторую самую дорогую вещь в его жизни. Его просто уволили, вот так, без особых объяснений: говорили что-то про оптимизацию, про молодых сотрудников, про его устаревшие методы... А он слышал все и не понимал ни слова, будто с ним говорили на мертвом языке...

* * *

...Когда зрение его испортилось так, что не мог больше различить тонких линий клинописи, понял, что сбылась вторая часть предсказания. Самый богатый человек в Вавилоне души не чаял в переписывании текстов, гордился своей грамотностью, жил звуками и узорами гимнов, песнопений, эпосов. Он ушел сам. Понял, что труд его будет бесполезен, – понял и второй раз проклял себя, злой рок, оракула, халдея-отравителя...

* * *

На последней лекции старый Вацлав – как всегда, в рамках темы, – рассказал студентам любимую сказку. Египетскую.

– Семь богинь Хатхор напророчили юноше, что он примет смерть от змеи, от крокодила или от собаки. Он спасся от змеи, спасся от собаки, спасся от крокодила и попал в лапы водного духа...

– И тот его убил? – спросил кто-то из аудитории.

– Нет. – Старый Вацлав улыбнулся. – Теперь – самое смешное...

И он рассказал им о том, что конец истории затерялся в веках. Никто так и не узнает, настигла ли хоть одна из трех наточенных гильотин судьбы бедного юношу.

А старый Вацлав уже тогда решил, что у его сказки обязательно будет конец.

Тридцать первое декабря звенело праздничным гомоном, искрилось серебром снежинок, горело диадемой обыкновенных чудес.

Старый Вацлав – или Фридрих? – молча шагал по улице; во внутреннем кармане пальто лежало подаренное зеркало, отражавшее – что? Он так и не разобрался – лишь догадался, краем глаза поглядывая в отражение. Видел там – кого? Себя или очередную маску? Окружающий мир схлопнулся для старого Вацлава в одну точку: не замечал ни перезвона волшебства, ни искр зимней стужи, не шепота чудес...

* * *

...У ступеней зиккурата Эсагилы вслух читали эпос о сотворении мира, каждый раз как впервые. Нараспев, гордо, с восхищением. Город пропитался вязким благоденствием, радостью жизни – они, дети Вавилона, всегда умели наслаждаться каждым ее мгновением. И, обгоняя процессию со статуей бога Мардука, самый богатый человек в Вавилоне, не замечая ничего этого, спешил в храм, заранее договорившись обо всем со жрецами...

* * *

Старый Вацлав разглядел нужную ему вывеску. Остановился, задумался, вздохнул – облачко пара призраком растаяло в воздухе.

Он знал, что все придет к этому. Когда потерял две вещи, понял, что осталась последняя. Знал, что третья, самая дорогая ему вещь, – он сам.

Потому и начал собирать личины: макси и паспорта. Раз не помогли вещи, может, хотя бы так, окружая себя фантомами чужих личностей, он даст судьбе шанс лишить самого дорогого кого-то из них: Фридриха, Отто, Вольфганга, Владимира, Йозефа, Карла, Адама, Вениамина и десяток других. И чем больше он собирал, чем больше спутывал эти цветные нити (красные – рок, черные – смерть, белые – судьба), тем больше понимал: нет, нужно *полностью* стать другим. Перенаправить судьбу на существующего человека, пустить пыль в глаза трем старухам. Надеть всеобъемлющую личину.

Старый Вацлав – не Карл ли? – достал зеркало из внутреннего кармана и посмотрел в отражение...

* * *

...Он поднимался на вершину зиккурата, в то священное помещение, куда входили лишь царь и жрецы; но самого богатого человека в Вавилоне так уважали, что и без договоренностей пускали сюда во времена нужды. А сейчас его ждали. Жрецы кивнули ему, омыли водой вперемешку с благоухающими маслами, надели чистые белые одежды – совсем простые – и повели вниз. Самый богатый человек в Вавилоне чувствовал, как судьба наступает ему на пятки, но верил, что все получится, – ведь на краткий миг он станет не собой. Как становились многие до него...

* * *

Дверной колокольчик зазвенел. Сегодня старый Вацлав даже не стал ругаться про себя: был слишком сосредоточен. Ожидал увидеть девочку за прилавком, хотел улыбнуться ей, сказать спасибо, поздравить с праздником – даже распахивал купленные конфеты по карманам пальто. Но за прилавком привычно стоял рыжий толстяк. Поднял голову, услышав, как хлопнула дверь.

– А, это ты, старик. У меня все готово.

– Где девочка?

– Тебе-то какое дело?

– Хотел поблагодарить за подарок.

– Подарок? – удивился хозяин.

– Принеси – и поговорим.

Когда хозяин лавки скрылся в служебных помещениях, старый Вацлав вытащил зеркало – не смотря в отражение, положил на край прилавка. Туда же выпотрошил полные конфет карманы, а рядом положил стопку бумажных купюр – уже для дяди девочки.

Когда хозяин вернулся, неся красивый, отливающий бордовым – как старые сургучовые печати – паспорт, то даже не заметил лежавших на столе вещей.

Старый Вацлав задышал чаще. Почувствовал, будто что-то – судьба, рок, смерть? – дышит ему в спину; по шее пробежали мурашки. Старый Вацлав – или Адам? – схватил паспорт, развернул на первой странице...

* * *

...Он, переодетый в богатые одежды, сидел на тронном месте царя, и они воздавали ему почести: приносили вино, высказывали благодарность, предлагали наложниц. Самый богатый человек в Вавилоне – он ли еще? – знал, что это – просто игра, правила которой известным каждому. Ритуал подменного царя совершался каждый Новый год уже много тысяч лет – когда на место правителя сажали другого человека, всего на один день; чтобы никаких бед не случилось с настоящим царем в этот переломный период, чтобы тот смог очиститься от своих прегрешений, пройти ритуал унижения – его били по щекам, а тот должен был плакать, чтобы год стал урожайным. Обычно царя подменяли воры и мошенники, те, кого не жалко, случись что; так решали жрецы. Но в этот раз самый богатый человек в Вавилоне сам напросился: и вот он уже не тот, кем был раньше. И судьба целый день будет плутать вокруг до около, не зная, куда нанести удар. Поразит другую цель, пока он носит чужую маску, так удачно предложенную ему... чем же? Получается, тоже судьбой?..

* * *

Девочка Ксюша доедала конфеты, вся измазавшись шоколадом. Сильно дядя Сережник ругать ее не стал – в конце концов, зеркало ему вернули, а ругаться на такую чудесную девочку, как она, решительно невозможно. Ксюша в этом была уверена.

Жалко, подумала девочка, что она не застала того странного и забавного дядю, – сегодня же праздник!

Пока снежки неистово кружились за окном, а ветер свистел, словно подергивая морозные струны лиры, Ксюша решила посмотреться в зеркало, которое дядя не успел унести обратно в подсобку. Взяла его за холодную серебряную ручку, заглянула в отражение – и уголок испачканного шоколадом рта сменился фантастической картинкой: будто в мультике, тут же подумала Ксюша. Девочка увидела человека в богатых одеждах – наверное, какой-то царь, тут же сообразила она, – к которому стекались мудрецы с длинными бородами и грациозные женщины. Девочка видела, как ему подносят напитки и сладости, как его, вставшего, хвостом сопровождают советники... А потом Ксюша видела, как этот человек вдруг резко останавливается и падает, из спины торчит кинжал, и его, самого богатого человека в Вавилоне, не шевелящегося, уносят куда-то. Тогда в зал входит другой мужчина в еще более роскошном одеянии – тоже с длинной черной бородой. Все поднимают кубки – ликуют в честь Нового года и нового – вернее, *обновленного старого*, – царя.

Ксюше стало скучно – зеркало она отложила.

* * *

Его сказка – как звали его? какое из имен подойдет лучше? – так и осталась незаконченной.

Рагим Джафаров

Родился в Баку в 1992 году. Автор книг «Марк и Эзра», «Сато», «Картина Сархана», «Его последние дни». Лауреат премий «НОС» и «Новые Горизонты».

В будущее возьмут не всех

– Просыпайся! – Максим потряс сына за плечо. – Приехали!

Денис сонно покрутил головой, пытаясь понять, где они находятся. В плотном снегопаде можно было рассмотреть только фиолетовые ворота, в которые уткнулась машина.

– Где это мы? – сдался Денис.

– Приехали к деду, – пояснил Максим.

– У него разве не зеленые ворота?

– Ну, перекрасил, наверное.

В этот момент ворота дрогнули, и одна створка сдвинулась с места. В проеме возникла голова в ушанке. Пожилой мужчина шурился в свете фар.

– Дед! – обрадовался Денис и сразу же выскочил из машины.

Но тут же поскользнулся и упал в сугроб. Ничуть не расстроился и выскочил из него хохоча. Подскочил, кинулся к деду и крепко его обнял.

– Ты как, старый?!

– Ничего, ничего, – подслеповато щурясь и по-детски восторженно улыбаясь, ответил тот. – Ты вырос как, Денис!

– А ты подкачался, что ли? – отстранившись от деда и оценив его взглядом, спросил внук. – Следишь за собой, а? Кирилл Андреич-то еще ого-го?

Оба повернулись на сдавленную ругань. Максим, вышедший из машины, поскользнулся и так же, как сын минуту назад, ухнул в сугроб.

- Вернись в машину и выйди как положено! – учительским тоном приказал ему Денис.
- А это кто?

Денис медленно повернулся и ошарашенно уставился на деда.

- Друг твой, что ли? – внимательно глядя на своего сына, спросил Кирилл Андреевич.
- Дед, ты чего? – похолодел Денис и посмотрел на отца, стряхивающего снег с пальто, как бы убеждаясь, что ничего не путает и реальность действительно такова, какой кажется, а заодно ища поддержки у старшего. – Это ж...

В этот момент Кирилл Андреевич сунул внуку за шиворот ком снега и захохотал.

- Опять купился!
- Да блин! – изгибаясь и пытаясь вытряхнуть снег, загундосил Денис. – Ну сколько можно-то?!
- Пап, тебе ж не пять лет! – бурчал себе под нос Максим, отряхивая пальто и подходя к Кириллу Андреевичу. – Что у тебя тут за каток?!
- А? – приложив руку к уху, переспросил дед.
- Да не глухой ты! – возмутился Максим. – Я больше на это не куплюсь!
- Чего вы так долго-то? Я думал, не успеете к Новому году.
- Да снегопад же, мы поворот проехали.
- Все, все! Потом расскажешь! Макс, давай из машины, что привезли, – командовал дед. – Денис, а ну отцу помоги!

Засуетились и через несколько минут собрались за столом. Кирилл Андреевич и Максим спешно накрывали холостяцкий стол. Магазиновые салаты, нарезки, все быстро выставлялось на стол из пакетов. Денис поставил на стол разделочную доску с толсто нарезанными ломтями хлеба.

- За холодцом сгоняй, – велел ему дед.
- Куда? – не понял Денис.
- До деревни, ключи от снегохода в бушлате, – перекладывая салат из контейнера в тарелку, спокойно пояснил дед.
- А на самом деле?
- А на самом деле духовный материализм не позволит нам освободиться от привязанностей, – развел руками Кирилл Андреевич.
- А холодец? – не поддавался на провокации Денис.
- А холодец на крыльце! – разозлился дед. – Что ты как в первый раз?! Макс, а ты шампанское принеси, оно в сугробе!

Когда отец и сын вернулись, успешно справившись с возложенными на них задачами, Кирилл Андреевич уже настраивал телевизор. Разглядывал два пульта и что-то бурчал себе под нос.

- Да что ты будешь делать! – злился он.
- Сначала тюнер включи, потом телик, – подсказал Денис.
- Да зачем вы мне эту чертовщину купили?! Ну чем был плох старый телевизор, а?! – злился дед.
- Тем, что он всего один канал показывал!
- Это уже слишком много... – бурчал дед.
- Наконец он справился с кнопками. Экран ожил.
- Дорогие россияне, – прозвучал знакомый голос.
- Все рефлекторно уставились на экран.
- Чего-то рано, – глядя на настенные часы, нахмурился Максим.
- Они идут неправильно. – отмахнулся Кирилл Андреевич.
- А сколько время-то?
- Цыц! – возмутился дед. – Слушайте, когда говорят!

– Да было б...

– Сели и смотрите! Традиция!

– Но...

Максим осекся, наткнувшись на грозный взгляд отца.

– Это был непростой год, – заявил человек с экрана. – Но это не значит, что нужно опускать руки или давать себе поблажки. У нас нет времени на раскачку.

Максим едва не поперхнулся компотом, но справился с собой.

– Но есть у нас и хорошие новости! – бодро заявил человек с экрана. – Например федеральная программа «Счастливая семья» показала себя невероятно эффективно! Статистика подтверждает, что благодаря ей количество счастливых семей увеличилось вдвое!

– То есть была одна, а стало две? – хмыкнул Максим вполголоса.

– И то потому, что та единственная семья распалась на две, – поддержал Денис.

– Цыц! – возмутился дед.

– ...То же касается и программы «Счастливый гражданин», – продолжал телевизор.

– Да о чем он? – спросил Денис.

– Не знаю, какая-то программа федеральная, – пожал плечами Максим, неторопливо откручивая проволочку с шампанского.

– ...Было принято непростое решение, – продолжал телевизор куда более тяжелым, тревожным тоном. – Так как времени на раскачку нет, всех граждан, не выполнивших условия программы, решено не брать в новый, 2022 год. Иными словами, новый год наступит не для всех. Несчастных в будущее не возьмут.

Все удивленно уставились в экран. В этот момент погас свет. Пару секунд все сидели в абсолютной темноте и тишине. Потом выстрелила пробка от шампанского.

– С Новым годом, – мрачно протянул Денис.

Чиркнула спичка. В руке у деда возникло пятно света.

– Это что было? – ошарашенно спросил Максим.

– Пробки выбило, – пояснил Кирилл Андреевич.

– У деда, – хмыкнул Денис.

– Я про вот это вот! – Максим указал на экран.

– Я тоже, – усмехнулся Денис.

– Сейчас все включу, – отмахнулся Кирилл Андреевич. – Ты наливай пока.

Он встал из-за стола и вышел из комнаты. Отец и сын остались в абсолютной темноте. Какое-то время царила тишина. Потом тихонько хрустнуло, шепотом ругнулся Максим. Денис, конечно, узнал характерный хруст водочной пробки.

– Ты опять бухать собрался?

– Я рюмку, за Новый год, – объяснил отец.

– А не будет никакого нового года, – хмыкнул Денис, – сказали же тебе, в будущее возьмут только счастливых!

Из темноты закашлял глава семейства, очевидно, поперхнувшись водкой. Денис зло хохотнул. В этот момент в комнату вошел Кирилл Андреевич со свечой.

– Не, не пробки. Электричество отрубили. Натё вот, – сказал он и положил на стол несколько свечей. – А я пойду генератор заведу.

– Помочь? – предложил Максим, косясь на Дениса.

– Кнопку-то нажать? – усмехнулся Кирилл Андреевич.

– Ну... Мало ли...

– Да посиди вон с сыном! – отмахнулся дед и вышел.

Снова воцарились тишина и темнота.

– Чего он ушел, нам и зажечь-то ее нечем, – вздохнул в темноте Максим, – не курит никто...

В этот момент в руках Дениса чиркнула зажигалка. Огонек медленно протянулся через весь стол от сына к отцу. Подрагивая, замер над свечой, которую растерянный Максим даже не протянул вперед. Фитиль разгорелся. Отец нахмурился, хотел было что-то спросить, но оставил эту мысль. Не нашел, куда деть свечу, и сунул ее в горлышко шампанского. Сам взялся за закуску. Положил на толстенный ломоть хлеба такой же кусок колбасы и стал жевать.

– В будущее возьмут не всех, – поигрывая зажигалкой, задумчиво протянул Денис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.